

АНТОН МАРКОВ

Феникс

Трагедия

Продолжение. Начало см. в № № 45, 46 2001 г.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Лондон. У Шекспера. Входит ШЕКСПЕР.

ШЕКСПЕР. И надо же было такому случиться, чтобы в самый неудобственный час влетело это бешеное их сиятельство! Чуть меня не разорвало. Лучше бы оно меня разорвало! И Бербедж хорош, сразу же куда-то исчез. Что мне делать, что мне делать? Ду-май, Уильям. А чем думать? Недохлестали мне розгами то, от чего человек думает. Как в пьесах поступают в таком случае?

Стук за сценой.

Никак. Она уже тут.

ЕЛИЗАВЕТА (за сценой). Уильям, скорей откройте!

ШЕКСПЕР. Еще и скорей! — Что за спешка?

ЕЛИЗАВЕТА. Умоляю вас!

ШЕКСПЕР. Аминь. — Что случилось?

ЕЛИЗАВЕТА (входя). Ах! Мой жених.

ШЕКСПЕР. Я?

ЕЛИЗАВЕТА. Не вы, а он.

ШЕКСПЕР. Кто?

ЕЛИЗАВЕТА. Он следит за мной и такой ревнительный!

ШЕКСПЕР. Но ты же по порученью своей госпожи.

ЕЛИЗАВЕТА. Ему не объяснишь. У него кулаки с голову, и думает он ими.

ШЕКСПЕР. Он видел, куда ты вошла?

ЕЛИЗАВЕТА. Кажется, нет.

ШЕКСПЕР. Кажется?!

ЕЛИЗАВЕТА. Он очень не любит поэтов.

ШЕКСПЕР. Хотя какая-то надежда.

ЕЛИЗАВЕТА. Но вы же поэт?

ШЕКСПЕР. Нет надежды.

ЕЛИЗАВЕТА. Давайте скорей письмо.

ШЕКСПЕР. У меня нет письма.

ЕЛИЗАВЕТА. Как же так?

ШЕКСПЕР. А вот так! Не озабочилось. И дело с концом.

ЕЛИЗАВЕТА. Какая же я несчастная девушка!

ШЕКСПЕР. Не плачь, красотка, насчет счастья я помогу.

ЕЛИЗАВЕТА. Ой, я не для этого плачу.

ШЕКСПЕР. Для чего же?

ЕЛИЗАВЕТА. Госпожа моя меня со-вету сживет, жених окосеет от подозрений, а мне всю жизнь мучиться.

ШЕКСПЕР. Твоя госпожа при смерти, она мне писала, поэтому тебя не сживут. А женихов в Лондоне, что шотландцев в Шотландии.

ЕЛИЗАВЕТА. Моя госпожа здорова и ждет письма.

ШЕКСПЕР. Она меня обманула?

ЕЛИЗАВЕТА. Это вы меня обманули, что вы поэт. Моя госпожа, когда ей отказывают, такой становится, что не приведи Господь!

ШЕКСПЕР. Я Шекспир.

ЕЛИЗАВЕТА. Где тогда письмо?

ШЕКСПЕР. Не срелось. Сажу ночью, тык-мык, не клюет рыбка.

ЕЛИЗАВЕТА. У поэтов не рыбка клюет, а Муза приходит.

ШЕКСПЕР. Она ко мне заходила раньше. Но у меня с ней ничего не было.

ЕЛИЗАВЕТА. Ой, какое счастье, что вы не поэт. Я страсть как не люблю их.

ШЕКСПЕР. Да?

ЕЛИЗАВЕТА. Они такие странные.

ШЕКСПЕР. А ты никому не скажешь, что я не поэт?

ЕЛИЗАВЕТА. Что я? Вредительница себе?

ШЕКСПЕР. Ах ты, моя красотка!

ЕЛИЗАВЕТА. Тихо!.. Шаги сюда.

ШЕКСПЕР. Никаких шагов.

ЕЛИЗАВЕТА. Я боюсь своего Джона так же, как свою госпожу. Она вся в амурах ходит. И ходят к ней поэты. Чего они только ни говорят! Вы такого не знаете — Томаса Нэша?

ШЕКСПЕР. Слышал что-то.

ЕЛИЗАВЕТА. Так вот, этот самый Нэш не написал ни одного стиха, а за него пишет другой.

ШЕКСПЕР. Не знал об этом. Кто же за него пишет, Кэт?

ЕЛИЗАВЕТА. Не моя тайна.

ШЕКСПЕР. Я никому не скажу.

ЕЛИЗАВЕТА. Как вы к себе располагаете! Даже совесть совсем не слышно.

ШЕКСПЕР. Доверься мне, красотка.

ЕЛИЗАВЕТА. Тайну?

ШЕКСПЕР. Другое.

ЕЛИЗАВЕТА. Сперва тайну. Но в обмен на вашу. У вас есть она?

ШЕКСПЕР. И не только она.

ЕЛИЗАВЕТА. Тогда говорите. Сядьте там и говорите.

ШЕКСПЕР. Ты первая должна сказать.

ЕЛИЗАВЕТА. Поклянитесь, что никому не скажете.

ШЕКСПЕР. Мочи нет, клянусь!

ЕЛИЗАВЕТА. За Томаса Нэша пишет сам король шотландский Джеймс.

ШЕКСПЕР. Вот это да! У них, у знатных, все такие?

ЕЛИЗАВЕТА. Теперь ваша тайна.

ШЕКСПЕР. Моя не столь знатная. Стоит ли о ней толковать?

ЕЛИЗАВЕТА. Тогда я пошла.

ШЕКСПЕР. Ладно, скажу. Только никому ни слова, иначе тебя и жених твой не спасет.

ЕЛИЗАВЕТА. Чтоб я девой померла!

ШЕКСПЕР. За Шекспира, то есть за меня, пишет граф...

ЕЛИЗАВЕТА. Какой?

ШЕКСПЕР. Граф...

ЕЛИЗАВЕТА. Я вся горю от нетерпенья!

ШЕКСПЕР. Рэтленд.

ЕЛИЗАВЕТА. Ваша тайна моей в подметки не годится.

ШЕКСПЕР. Да, твоя там, где надо. Теперь — другое.

ЕЛИЗАВЕТА. Боже мой! Это он. Идет сюда. Вон там, на улице, видите?

ШЕКСПЕР. Господи, придумает же природа. Прячься.

ЕЛИЗАВЕТА. У вас есть черный выход?

ШЕКСПЕР. По лестнице направо. Постой, а как же?..

ЕЛИЗАВЕТА. Письмо? Я придумаю что-нибудь.

ШЕКСПЕР. Нет, а как же?..

ЕЛИЗАВЕТА. Завтра, в это же время.

ШЕКСПЕР. Я не могу, я буду в театре.

ЕЛИЗАВЕТА. Не знаю. Боже мой, про-

щайте. (Убегает).

ШЕКСПЕР. И кто она после этого? И кто я после этого? Глава семейства! Что же я стою? Сейчас сюда придет ее жених и поговорит со мной за двоих. По лестнице налево.

Выбегает.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Лондон. У Мэри Сидни-Пембрук. Входят МЭРИ и ФРЭНСИС БЭКОН.

БЭКОН. Я прибыл к вам не как заступник Генри.

Как духовник его. Я опечален Отказом вашим, Мэри, и всерьез Обеспокоен за рассудок Генри. Граф Саутгемптон дорог мне, как сын, И ваш отказ лишил меня новости Духовной. Не спросив Елизавету, Ее судьбу вы без нее решили.

МЭРИ. Сэр Фрэнсис, я отказа не давала И не лишила никого свободы.

Граф Саутгемптон сам мой Одел отказом, к вам его отправив.

БЭКОН. Я обо всем узнал от посторон-

них, Тропа молвы с моей пересеклась.

Откинув домислы, вглядясь в молчанье Печального, рассеянного Генри,

Я сам пришел просить вас за него. Вы знаете, что мой удел хранить

Открытое таинственное Знание, Что нам досталось со времен Адама

И что давно утеряно людьми.

Сейчас настало время, чтобы Знание

Вернулось к людям в образе искусства

И в виде просвещенного правления.

Для этого все предпосылки есть:

К нам явно благосклонна Королева,

Которой служит истинная знать. Граф Саутгемптон яркий образец Надежды нашей. Он богат служеньем Стране небесной и стране земной. И он достоин дочери Филиппа, Духовного собрата моего И вашего прославленного брата. **МЭРИ.** Филиппа звали Фениксом. В сти-

хах Он возрождал поэзию и Бога, Которого так мало на земле И бесконечно. А в Елизавете Он возродил призвание отца. И кто созвучен этому призванию, Тому Елизавета даст и руку И сердце. Саутгемптон всем достоин, Но слово в нем не ведает размера И рифмы, обрученной с Небесами. **БЭКОН.** Мы это знаем, Мэри. Мы согласны. Но кто из всех известных нам поэтов Встречался с тем, с чем встретился Фи-

липп?

МЭРИ. Шекспир.

БЭКОН. Шекспир?

МЭРИ. Шекспир.

БЭКОН. Нам неизвестно, Кто прячется за ним, кто открывает

Те тайны, что не время открывать. Он знатен, без сомнения. Но кто он?

Сэр Роберт Сэвил?

МЭРИ. Нет, его придворство Не даст ему такую высоту.

Сэр Роджер Мэннерс?

БЭКОН. Он сейчас в Европе, А в Лондоне все новые творенья.

К тому же он, как мне писал мой брат, Находится в тяжелом состоянии.

Он при смерти.

Входит ЕЛИЗАВЕТА.

ЕЛИЗАВЕТА. Здравствуй, сэр Фрэнсис.

БЭКОН. Здравствуй, голубушка.

ЕЛИЗАВЕТА. Тетя, не сердитесь на меня.

Мы заболтались с Люси Бедфорд, вот я и припозднилась.

МЭРИ. Расскажешь мне позже.

ЕЛИЗАВЕТА. Что вы такого сказали, сэр Фрэнсис, отчего тетя не ругает меня и не

улыбается?

БЭКОН. Я передал печальное известье, Что Роджер Мэннерс при смерти сейчас.

ЕЛИЗАВЕТА. Он при смерти? Зачем она

пришла

Так рано и к такому человеку?

Кто не закрыл ворота перед нею, Кто прочь ее в три шеи не прогнал?

Сэр Фрэнсис, как ее к себе спроводить, Чтобы она с собой не забрала

Так рано и такого человека?

БЭКОН. Молить, Елизавета.

ЕЛИЗАВЕТА. Но кого?

Все те, кто были, допустили это.

БЭКОН. Отчаиваться самый больший грех.

В твоих слезах подмога страшной гостье, Твоя молитва для нее преграда.

Не верю я, что Парки обрывают Нить жизни Роджера. Еще не время.

МЭРИ. Ступай к себе, Елизавета.

ЕЛИЗАВЕТА. Тетя,

Когда б вы знали, что сейчас со мной!

(Уходит).

МЭРИ. Сэр Фрэнсис, я должна проститься с вами.

БЭКОН. Не надо ничего мне объяснять. Не смею вас задерживать. Ступайте

К Елизавете.

Расходятся.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Дом Рэтленда в Лондоне. Входят РЭТЛЕНД и ТОМАС с разных сторон.

ТОМАС. К вам графиня Пембрук со своей племянницей. Прикажете принять?

РЭТЛЕНД. Скажи, Томас, мы действи-

тельно в Лондоне?

ТОМАС. По всем приметам, да.

РЭТЛЕНД. По каким, Томас?

ТОМАС. По запаху и лаю.

РЭТЛЕНД. Разве это приметы Лондона?

ТОМАС. Для кого как. Для меня это самые

верные приметы. Я привык к чистому возду-

ху и тишине. И лишь одно место у нас, в Бель-

вуаре, напоминает мне Лондон: между ко-

нюшной и псарней. И если лай и запах после

десяти шагов не прекращается, то я в Лондо-

не, так как нигде больше не был.

РЭТЛЕНД. У королевы, получается, свои

приметы?

ТОМАС. Конечно. Если она едет к кому-

то, то она не в Лондоне, если к ней, то она у

себя. Так как вы приехали к ней, вот еще од-

на примета, что это не Бельуар.

РЭТЛЕНД. То есть у каждого есть место,

по которому он определяет, где находится?

ТОМАС. Судя по всему, да.

РЭТЛЕНД. По детям мы определяем воз-

раст,

По слову человека узнаем.

По памяти мы открываем Бога,

Но по чему мы узнаем себя?

Я человека знал. Он очень часто

Жран и сцена —

О Лондоне с любовью говорил,
Рассказывал о жителях веселых,
О королеве, о ее дворе,
О Темзе, о тумане, о печали,
Что Вечность вызывает в тишине.
И вот я в первый раз увидел Лондон
И удивился демону его,
Чей лик усердно высечен на лицах
Мужчин и женщин мертвою усмешкой,
И чье дыхание путает умы
Придворных, от чего туман над Темзой,
Что черной жилой вспухла на челе
Уставших площадей и подворотен.
А редкая улыбка королевы
Окрашивает склепы и кресты
Неярким солнцем. И тогда я понял,
Что человек, которого я знал
И называл без имени, скончался.
Мне этот город, Томас, незнаком.
ТОМАС. А по мне бы лучше его совсем не

знать.
РЭТЛЕНД. Граф Саутгемптон еще не при-
езжал?

ТОМАС. Нет, господин.
РЭТЛЕНД. Проси графиню Пембрук.
ТОМАС уходит.
Едва вернулся я с материка,
Графиня Пембрук и Елизавета
Спешат свиданье получить со мной.
Неужто мой Шекспер проговорился?
Тем хуже для него... Но бедный Генри!..
Елизавета влюблена в того,
Кто общего со мною не имеет.
Но я не дам ей повода.
Входят МЭРИ и ЕЛИЗАВЕТА.
МЭРИ. Здравствуйте, Роджер. С приездом.
Как ваше путешествие?

РЭТЛЕНД. Путешествие? Куда?
МЭРИ. На материк.
РЭТЛЕНД. Я не заметил, что куда-то уез-
жал. Везде одно и то же. Только Лондон под-
менили. Скажите, те дома были?

МЭРИ. Да, давно.
РЭТЛЕНД. Не помню их. А та колоколь-
ня?

МЭРИ. Была.
РЭТЛЕНД. Не замечал. Что еще нового в
Лондоне?

МЭРИ. Что вас интересует?
РЭТЛЕНД. Храмы. За их прекрасной архи-
тектурой кроются все семь смертных грехов.
Есть ли такие в Лондоне?

МЭРИ. Нет. Потому что это не храмы.
РЭТЛЕНД. Тогда есть ли храмы в Лондо-
не?

МЭРИ. Есть. Недавно мы с Елизаветой на-
шли один. Он скрывался в убогом доме.

РЭТЛЕНД. Где же он?

МЭРИ. В Шекспере.

РЭТЛЕНД. Да, за этой штукатуркой скры-
валось иное лицо.

МЭРИ. Мы отколунили там, где никто не
видит.

РЭТЛЕНД. Вы узнали, кто стоит за Шек-
спером?

МЭРИ. Да, Роджер.

РЭТЛЕНД. Я тоже знал этого человека.
Но он умер. Он заразился итальянским азар-
том, заболел французской болезнью и скон-
чался на подходе к Хайдельбергу.

ЕЛИЗАВЕТА. Что же он не отправился
сразу в Хайдельберг? Это сократило бы его
мучения.

РЭТЛЕНД. Он не мучился и умер с хохо-
том на устах.

ЕЛИЗАВЕТА. От лошадиной, должно
быть, болезни.

РЭТЛЕНД. От человеческой, Елизавета.

ЕЛИЗАВЕТА. Прощайте, граф. Мы заеха-
ли узнать только о вашем здоровье.

РЭТЛЕНД. Моего здоровья хватает ровно
на столько, чтобы не смеяться, когда нужно
рыдать.

ЕЛИЗАВЕТА. Лечитесь, Рэтленд. Люди
часто становятся лошадьми. Особенно в сво-
их острогах.

РЭТЛЕНД. Не смею больше скакать перед
вами. Прощайте, графиня Пембрук, и вы,
безжалостная всадница. Вы исхлестали все
ребра разума.

ЕЛИЗАВЕТА. Не сбейте копыта, граф, а
то вы так и не доберетесь до Хайдельберга.

РЭТЛЕНД уходит.

МЭРИ. Елизавета, ты сошла с ума!
Нет, предо мною не Елизавета.

Передо мною Кэт, служанка Кэт,
Которая в два счета подменила
Образование, знатность, женский ум

На дикую и бешеную кошку!

Где ты была, когда давали случай

Сухое русло напоить водой

И мирно течь меж берегов послушных,

Не разрушая половое их?

Где женщина? Она сошла в обиду,

Убила жаждой каждое движение

И, победив, слезами залилась.

ЕЛИЗАВЕТА. Как он посмел искать слова

любви

Для строк своих, с небесными так схожих!

Он знал, он знал, зачем к нему пришли мы,

И из того, что написал, ни слова

экран 4 сцен

Он не нашел для нас. Как отраженье
Не может двинуть пальцем без меня,
Так я не в силах двинуться без горя.
Он лгал!

МЭРИ. Он сострадал твоей любви,

Которой ты бесплотье наделила.

ЕЛИЗАВЕТА. Вы всех готовы, тетя, за-

щищать,

Но не меня.

МЭРИ. Мне не нужна монашка,

Что молится о глупости своей,

Или утопленница в Темзе. Мне нужна

Елизавета, дочь Филиппа Сидни!

Когда ты будешь ею, ты поймешь,

Где правда скрыта, где сверкает ложь.

Входят ТОМАС и ГЕНРИ.

ТОМАС. Я доложу о вас. *(Уходит).*

ГЕНРИ. Я рад вас видеть...

Но, кажется, не вовремя вошел.

МЭРИ. Простите, Генри, что мы вас встре-

чаем

Слезам.

ГЕНРИ. Я могу спросить, о чем?

МЭРИ. Вы знаете.

ГЕНРИ. Не я тому причиной?

МЭРИ. Отчасти, да. Но вы не виноваты.

ГЕНРИ. Как мне понять?

ЕЛИЗАВЕТА. Зачем вы не сказали,

Что Роджер Мэннерс за Шекспиром

скрыт?

Зачем вы длили, зная, что со мною,

Комедию?

МЭРИ. Я понимаю, Генри.

Что ваше благородство не давало

Открыть нам тайну, зная, что ваш друг

К любви Елизаветы равнодушен.

Но мы раскрыли тайну и теперь

Из той же чаши слезы пьем.

ГЕНРИ. О, боги!

Как страшно слышать ваши песнопенья,

Какой узор колышется в руках

Трех Парок безучастных!.. Роджер Мэн-

нерс

Влюблен в Елизавету. Вы сказали

О благородстве... Нет, я знал об этом,

Но отказаться от любви не мог.

Мне страшно находить сейчас слова,

Но я клянусь вам: скоро Роджер Мэннерс

Придет просить руки Елизаветы.

Сейчас езжайте поскорей домой

И ждите. Не прощайтесь. Улыбнитесь.

Не говорите ничего.

МЭРИ и ЕЛИЗАВЕТА выходят.

Как больно

Дышать все тем же воздухом, в котором

И смех и слезы на одних правах.

Входит РЭТЛЕНД.

С приездом, Роджер. Как твоё здоровье?

РЭТЛЕНД. Достаточно, чтобы о нем не ду-

мать.

ГЕНРИ. Прекрасно.

РЭТЛЕНД. Что с тобою?

ГЕНРИ. Ничего.

РЭТЛЕНД. Ты хмур, как Лондон.

ГЕНРИ. Есть на то причина.

Готов ли ты сразиться?

РЭТЛЕНД. Для того

И прибыл я из Франции беспечной

Под лондонские тучи, что стусились

Над теми, кто был верен королеве,

Чью верностью она пренебрегла

И предпочла пить лести яд послушный.

И я готов с оружием в руках

Основы просвещенного правления

Отстаивать пред армией лстецов

И защищать от власти недостойной.

ГЕНРИ. Ты знаешь наши замыслы, но

ныне

Мы не имеем права рисковать

Тобою, Уильям. Да, мне все известно!

Поэтому забудь о наших планах.

РЭТЛЕНД. Я самого себя забыть не в си-

лах.

ГЕНРИ. И я не в силах доверять тебе.

Пусть Уильям пишет.

РЭТЛЕНД. Он скончался, Генри.

ГЕНРИ. Скончался Роджер. Он был вер-

ным другом.

Он не посмел бы лицемерить так,

Как ты.

РЭТЛЕНД. Дай слово вставить мне.

ГЕНРИ. Не Роджер.

Но Уильям за моей спиной растил

Сады печали, зол и бед. Не Роджер,

Но Уильям посадил меня в тюрьму

За то, что я любовь ему не отдал.

За то, что в срок свой долг я не вернул.

Я верил, ты откроешься при встрече.

Но Роджер умер. Уильям должен жить.

РЭТЛЕНД. Я все тебе сумею объяснить...

ГЕНРИ. Не может быть одной для нас не-

Мой взгляд Она заворожить успела,

Единственная, Та. И я вернулся

В юдоль земную, в колыбель страстей.

ГЕНРИ. Как ты напомнил Роджера сейчас.

Но разве ты имеешь отношение

К нему? Он обручен, я верю, Уильям.

Тебе ж Елизавета суждена.

И я вернуть долги свои сумею.

Готов ли ты сразиться?

РЭТЛЕНД. Никогда

Я на тебя не подниму оружие.

ГЕНРИ. Так защищайся.

РЭТЛЕНД. Генри!

ГЕНРИ. Защищайся!

Бери же шпагу, трус, мальчишка, лжец!

Дерутся.

Коли! Что медлишь?

РЭТЛЕНД. Я не нападаю.

ГЕНРИ. Тогда тебе придется нападать.

Дерутся.

Коли!

РЭТЛЕНД. Я не позволю смерти. Генри,

Кого-нибудь из нас двоих забрать.

Дерутся.

ГЕНРИ. Коли!

РЭТЛЕНД. Коли! Вот здесь соединенье

Души и тела. Здесь твоя развязка.

Я защищаться больше не намерен.

Чего ты ждешь? Уже застыл Харон,

Разглядывая вырванную душу.

Уже застыло сердце в предвкушении

Величественной, вечной тишины.

Коли!

ГЕНРИ. Я не смогу тебя убить.

Но я пойду кричать на перекрестках

О том, что не вернул Елизавету.

Я опрокину в Темзу Небеса,

И вытанцую Аида из владений,

Чтоб ты меня убил или обвенчался

С Елизаветой Сидни.

РЭТЛЕНД. Если я

Убью тебя, меня не станет, Генри.

Но если я женюсь, мы будем жить.

Дай сутки мне, и я скажу решение.

Дай день и ночь. И в полдень приходи.

ГЕНРИ. До встречи, Уильям.

ГЕНРИ уходит.

РЭТЛЕНД. Как просто сделать шаг. Пос-

ледний шаг.

Еще от смерти не остыла шпага

И холодом могильным обдает.

Но голоса слагаются в слова

И просятся излиться на бумаге,

И значит, жизнь не требует развязки.

Я для чего-то здесь, хоть все стремится

Туда, где я глаза Ее увидел,

Туда, где я нашел Покой. Но если

Я слышу на Земле слова Богов,

Мне рано уходить. Когда безмолвье

Заполонит дыхание, будет срок.

Молчи, молчи! Никто не должен знать,

Зачем я взял Елизавету в жены.

Молчи, чтобы не слышала Она.

Уходит.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Лондон. Театр "Глобус". *Входит РИ-*

ЧАРД.

РИЧАРД. Уильям! Где ты, Уильям? Я

знаю, что ты здесь.

ШЕКСПЕР (входя). Ну и что, что я здесь, а

ты об этом знаешь. Об этом надо кричать на

весь недостроенный "Глобус"?

РИЧАРД. Тебя ищет граф Рэтленд.

ШЕКСПЕР. Ищет, да?

РИЧАРД. Что ты тут потерял?

ШЕКСПЕР. Ничего. Просто, решил по-

быть один.

РИЧАРД. Идем.

ШЕКСПЕР. Погоди, Ричард, погоди. Я те-

бе должен кое-что сказать.

РИЧАРД. Уж не проболтался ли ты о

Шекспире?

ШЕКСПЕР. Нет-нет, я проболтаться не

мог. Как я мог?

РИЧАРД. Что же ты прячешься от графа?

ШЕКСПЕР. Я? Я не прячусь. С чего ты

взял? Мне хотелось побыть одному, закон

это не запрещает. Но теперь вижу, что позд-

но.

РИЧАРД. Что поздно?

ШЕКСПЕР. Побыть одному. Меня же

ищут. Он очень сердитый?

РИЧАРД. Граф? Нет, он грустный.

ШЕКСПЕР. Совсем плохо.

РИЧАРД. Ты проболтался, мерзавец.